

УДК 316.752.4:316.323.72:930.85(47+57)“1930/1979”

Духовное и материальное: контroversа советской культуры

Чернявская Ю. В.

Учреждение образования «Белорусский государственный
университет культуры и искусств», Минск

Данная статья посвящена динамике духовных и материальных приоритетов советского общества. В ней анализируются периоды постреволюционной аскезы, «большой сделки» в 1930-е годы; подъем общественного идеализма 1960-х годов и его крушение в 1970-е годы. Динамика социально-культурных процессов прослеживается в среде власти, интеллигенции и масс. Делается вывод, что уровень идеалов общества опускается в том случае, когда попираются декларируемые ценности. Аскетическая жизнь масс возможна лишь в том случае, если в социуме приняты постулаты культуры бедности, культ безытийности и имеются устраивающие социум легитимации этого положения дел. Однако по той же причине такой период не может быть длительным. В этом случае следование идеологии бедности начинает восприниматься как несоблюдение положенных правил игры – и неизбежно приводит к внутренней атомизации членов социума.

Ключевые слова: культура повседневности, духовные ценности, материальные ценности, аскеза.

(Искусство и культура. — 2014. — № 3(15). — С. 61-65)

The Spiritual and the Material: Controversy of Soviet culture

Charniauskaya Y. V.

Educational establishment «Belarusian State University of Culture and Arts», Minsk

The article centers round the dynamics of spiritual and material priorities of Soviet society. The paper analyzes post-revolutionary period of austerity: 'grand bargain' in the 1930s, rise of social idealism in the 1960s, and its collapse in the 1970s. The author investigates dynamics of social and cultural processes among authorities, intellectuals and masses. Conclusion is made that the level of ideals in society falls when the declared values are violated. Ascetic life en masse is possible only when the culture of poverty and substandard living conditions as well as their legitimation examples are widely shared in the society. However, due to the same reason, this period cannot last too long. In this case, following the ideology of poverty is perceived as a failure to comply with rules of the game that inevitably leads to internal atomization of society members.

Key words: everyday culture, spiritual values, wealth, asceticism.

(Art and Culture. — 2014. — № 3(15). — P. 61-65)

За два десятилетия после развала СССР фокус гуманитарных исследований «советского феномена» сместился: от постперестроечных штудий, пафосом которых был полный разрыв с недавним прошлым (под знаменем современного «западного пути» или же собственного пути независимых республик, ориентированного на традицию), к попытке анализа причин столь быстрого возникновения и столь медленного ухода советского человека со сцены истории. Не-

возможность сместить советского человека с его позиции на постсоветском ландшафте – свидетельство реального, фактического разлома цивилизации (термин С. Хантингтона). Сегодня он проходит не только между бывшими постсоветскими странами, а внутри стран, групп, семей и самого человека (что мы можем наблюдать на примере событий в Украине). Процесс перехода от анафемы к анализу «советского» в исследованиях крайне медленный. Исследова-

Адрес для корреспонденции: e-mail: yvch@of.by – Ю. В. Чернявская

тели, как правило, не принимают в расчет антропологический аспект и игнорируют динамику изменений «советского», представляя СССР идеологическим монолитом. Можно назвать лишь несколько авторов и авторских коллективов, которые исследуют тему не власти как таковой, а латентного восприятия властных установлений человеком. Мы имеем в виду работы И. Утехина, С. Адоньевой, С. Бойм, О. Гуровой, Н. Козловой, Н. Рис, М. О'Махоуни, К. Богданова, А. Эткинды, В. Каганского, а также проект «Советский простой человек» Левада-центра. Тем не менее, интересующая нас тема проходит в этих работах, скорее, по касательной, за исключением «Очерков коммунального быта» И. Утехина, «Советских людей» Н. Козловой и «Русских разговоров» С. Бойм. В отечественной же культурологии она практически не разработана.

Цель статьи – выявление смыслов идеологием, принимаемых советским человеком и отторгаемых при внешнем соответствии правилам государственной игры.

Оппозиция «духовное/материальное». Каким образом одни ценности латентно заменялись другими? Проанализируем это на примере одной из дилемм советской повседневности – бинарной оппозиции «духовное/материальное».

Известно, что ценности революционных и послереволюционных годов строились, в первую очередь, как ценности духовные. Советские идеалисты революционного разлива в этом плане были настроены радикально: «В питании и в одежде [отец писателя. – Ю. Ч.] был скромн, и если ему в кои-то веки (точнее, во все веки всего один раз) покупался хороший костюм, то, прежде чем выйти на люди, катался в нем по полу: костюм не должен был выглядеть слишком новым» [1]. Можно говорить об аскезе, возведенной в культ. Имела ли эта революционная максима подоплеку в массах? Вероятно, имела в той мере, в какой коррелировала с ценностью равенства. Послереволюционную повседневность можно отнести к «культуре бедности», по О. Льюису [2]. Таковыми являются все аграрные культуры, исповедующие принцип ограниченности ресурсов: если кто-то живет богаче других – это возможно лишь потому, что он тем или иным путем отнял у них часть законного, природно (бо-

жественно) им данного ресурса. Равенство – максима крестьянской общины, а крестьян еще и в 1929 году среди населения СССР было 82 %. Потому коммунистическая идея равенства в бедности поначалу была многими воспринята с пониманием. Более того, в 20-е годы аскеза была востребована значимой частью общества в качестве маркирования «своего» – в противовес «чужому», «буржуйскому».

Бедность воспринималась не просто как материальная недостаточность – она романтизировалась и в этом качестве была воспринята и значимой частью молодой интеллигенции. «Революция внушила нам глубокое недоверие и неискоренимое равнодушие к накоплению; она уничтожила в нас буржуазный интерес к деньгам, как таковым... В сущности, это не столько легкость, сколько иллюзия легкости. Но мы дорожим этой иллюзией, – как бедные дети, не избалованные игрушками», – писала Л. Гинзбург [3].

В 30-е годы ситуация изменилась. По словам американского исследователя Веры Данэм, была заключена «большая сделка» – негласный «договор» между властью и средним классом [4]. В обмен на лояльность власть обязалась материально поддерживать не только «номенклатуру» в узком смысле, но и специалистов – ученых, писателей, режиссеров, инженеров высокого уровня и др. Это спровоцировало создание «советской буржуазии». Именно этот класс, по Данэм, и стал основной опорой власти, а «рабочий и крестьянка», скорее, востребовались в качестве символа работы Мухиной. Начался процесс социального расслоения. Понятие «большая сделка» усложняет привычную систему воззрений, согласно которой советская власть воспроизводилась лишь благодаря террору. Два начала советской идеологической доктрины – кнут и пряник – взаимно дополняли друг друга.

Такой «договор» давал возможность припасть к широкой груди покровителя (в лице не только вождя, но и символических общественно-государственных структур). Потому в эту игру включались далеко не только «спецы» и «инженеры человеческих душ», а любой, кто отваживался играть на поле отношений «власть–личность» или

кого вытаскивало на это поле. Этому способствовали советская идея потенциальности и эксперимент создания массово доступного социального лифта.

Благодаря этому уже в 30-е годы революционный идеал санюлотства постепенно начал отходить на периферию общественного сознания. В магазинах появились продукты, в том числе – и давно забытые, размножились ателье и парикмахерские, вновь появилась забытая за годы революции и постреволюционного равенства в бедности «мода» и т. д. И хотя это было доступно немногим, в ход шел все тот же фактор потенциальности, а значит, и надежды. Спустя два года террор разросся до небывалых масштабов, но он был рамкой, а в кадре продолжали держаться «жизнь» и «веселье» (по известному афоризму Сталина). Рамка и кадр были неразрывны. Тем не менее, поворот к материальным благам воспринимался не как чуждый буржуазный, а как свой, советский, как залог грядущего изобилия для всех: право первоучастия на раздел ресурса по умолчанию дается избранным. Недовольство возникает, когда этот период затягивается на десятилетия, как будет в 1970-х.

Итак, толерантности общественного мнения в этом вопросе послужила кратковременность периода выборочного обогащения: спустя несколько лет началась война. Неудивительно, что тезис аскезы воскрес в массовом масштабе. Он действовал и какое-то время после войны. «Я принесла домой с фронтов России / Веселое презрение к тряпью – / Как норковую шубку, я носила / Шинельку обгоревшую свою», – писала Юлия Друнина.

Установка на «культуру бедности» в эти годы усугубляется. Тезис «всем трудно» становится основополагающим. Но послевоенная аскеза была не только вынужденной. «Лихая година» особым образом отстраивает систему приоритетов. Снижение стоимости денег, вещей и т.п. диктовалось впечатанным не только в сознание, но и в само тело опытом войны: и знанием того, что в один день можно потерять все; и памятью о реальном невыносимом голоде, и умением довольствоваться малым, и главное – тезисом: «Лишь бы не было войны». Презрение к этой горькой фразе автор этих строк впер-

вые уловил в воздухе семидесятых, и вряд ли случайно именно тогда.

С конца 1950-х – начала 1960-х годов предпочтение духовного материальному утеряло универсальность: оно стало прерогативой людей и страт. Были периоды, когда оно оказывалось более или менее распространенным. Наиболее бессеребряным временем были шестидесятые. Это нашло отражение в культуре – и не только в пропагандистских поделках, но и в произведениях искусства. Так, в фильме «Девять дней одного года» герой Смоктуновского приглашает своего коллегу переходить в свой НИИ, соблазняя его квартирой. Ответ красноречив: «Зачем мне квартира?». О том же – в песне Юрия Кукина (1964 год): «Вместо домов у людей в этом городе небо / Руки любимых у них вместо квартир». Правда, далее автор пишет: «Я никогда в этом городе не был, не был, / Я все ищу и никак мне его не найти».

Мифический «город» – идеал, к которому надо стремиться: расцвет туризма и авторской песни – свидетельство отстаивания именно этого идеала, создания теплой среды единомышленников, довольствующихся малым. Впрочем, такой город – плод рефлексии интеллигента, массы же, скорее, с пониманием принимают установку на недостаточность экономического «базиса» как на необходимое условие существования в стране, чья история состоит из революции, войн, периодов разрухи и восстановления.

Безбытность имеет отсылку к революции и годам гражданской войны, которые вновь начинают культивироваться: залог достоинства страны и людей, опороченного сталинизмом, ищется в «неискривленных» идеях революции. Пожалуй, ярче всего это отражено в оттепельном кино («В огне брода нет», «Служили два товарища», «Неуловимые мстители», «Бег», «Белое солнце пустыни», «Офицеры» и т. д.).

На тот момент идейный проект интеллигенции, в целом разделяемый «низамы», органично сочетался с нуждами верхов, которые вследствие плановой экономики требовали тип «человека дефицитарного» (термин Ю. Левады) – скромного в претензиях и в личностных проявлениях.

Финал «шестидесятничества» закономерен: с одной стороны, события в Чехослова-

кии продемонстрировали крах надежд на социализм с человеческим лицом (благодаря чему власть потеряла сторонников среди самой романтической страты – молодой интеллигенции); а с другой – и это более значимо – искренние находки шестидесятников были адаптированы властью, интегрированы в ее идеологическую программу. «Сверху» эксплуатировали романтический багаж изобретенного «снизу»: начиная с бардовской песни, с турклубов, которые постепенно становились вотчинами райкомов комсомола, и заканчивая энтузиазмом в покорении разного рода «вершин», который очень пригодился на стройках века (например, на БАМе). Поддельность идеалов остро стала ощущаться уже к середине 1970-х гг. Недаром именно тогда складывается пародия на романтическую песню Ю. Кукина «А я еду за туманом, за туманом...»: «А я еду, а я еду за деньгами, за туманом едут только дураки».

В целом шестидесятнический проект коллективного идеалистического романтизма захлебнулся во многом потому, что интеллигенция поняла, что власть не разделяет ее духовных устремлений, а лишь умело манипулирует ими. С этого начинается история диссидентства – не только как группы, открыто противопоставившей себя власти, но и как гораздо более широкого культурного течения, так или иначе затронувшего всех, кто отныне принимал условия советской игры лишь формально.

В 1970-е годы идеал советского подвижничества начинает испаряться. Не вполне открыто, но все более явно культивируется то, что не содержит аскезного пафоса. Во имя чего мы должны жертвовать устойчивым бытом? – таково неозвученное, но явное настроение интеллигенции. Иным путем, но в ту же сторону совершается перелом в сознании масс: на XXIV съезде КПСС (1971 г.) впервые открыто провозглашается курс на повышение благосостояния советских людей. В борьбе с бессеребренническими идеями недавних шестидесятников власть сделала «ход конем», впервые открыто дав народу санкцию на право обогащаться. Следует обратить внимание на то, что отныне круг социальной поддержки включает уже не только партийных деятелей и «спецов», но и миллионы людей (пусть и в

очень относительной мере). Заработал новый социальный контракт между властью и обществом – впервые в истории советского государства без посредничества интеллигенции, зато под знаком заданного сверху материального стимула.

Поэтому популярный ныне дискурс насильственного крушения «советского», якобы произошедший во время «перестройки», неправомерен: уже с 70-х гг. уравнилоскетическая концепция бытия советского человека была заменена компромиссно-бытовой. Это было воспринято естественно: и поскольку установка была дана властью, и – что более важно – поскольку повседневность как таковая является сетью компромиссов и середины. Именно это время и есть период формирования советского среднего класса: в 30-е годы, как мы указывали выше, этот процесс «расшибся» о сталинский террор. Тем не менее, средним классом в нынешнем понимании в то время является именно номенклатура.

Вследствие этого в декларируемом монолитном обществе образуется ситуация разрыва между двумя «средними классами»: номенклатура и прикормленные «спецы» (как истинный, хоть и тайный средний класс), с одной стороны, и номинальный советский человек, которому хватает на необходимое, но не на «лишнее», – с другой.

При этом дискурс культуры бедности (равномерное распределение ресурсов, нарушаемое только «буржуинами») по-прежнему является основополагающим и в общественном мнении, и в идеологической доктрине. Это несоответствие становится точкой невозврата к предыдущим ценностям. Оно находит свое отражение в ведущем жанре советского фольклора – в анекдотах: их распространенность – свидетельство того, что ценностный разрыв, если не отрафлексирован, то, во всяком случае, прочувствован на массовом уровне.

В контроверзе «материального» и «духовного». Здесь негласно побеждает первое, что воспринимается как предательское нарушение социального контракта: установка на материальное благоденствие дана всем, но право реального обогащения – лишь немногим. Именно это является одной из причин массового оттока людей от идей «общей жизни» и «общего дела». Если

учесть сформировавшееся к тому времени недоверие масс к интеллигенции, то ситуация усугубляется: интеллигенция воспринимается как «безвластная власть» – люди, получившие образование и тем самым выбившиеся из слоя массы, но не обладающие ни метафизическим, ни фактически-материальным весом.

Раздробляющийся на глазах социум, в котором существенно ослаблен кредит доверия, уходит в частную жизнь – заключающуюся, главным образом, в попытках компенсаторного потребления – на нынешний взгляд, крайне скромного, но тем не менее, очевидного. Частная жизнь требует заведомо большего комфорта, нежели общественная. Открытость 1960-х гг. постепенно, но неуклонно сменяется герметичностью – в силу и разочарования в ложных максимумах, и по причинам демографического и медиального свойства: шестидесятническая молодежь повзрослела, остепенилась, появились камерные формы досуга (здесь трудно переоценить роль телевидения).

Собственно претензии к власти в те годы заключаются не в том, что она «предала» коммунистические идеалы, а в том, что материализованная повседневность, куда люди ушли после крушения общего идеалистического проекта, оставалась не достаточно комфортной – при отсутствии оправданий революцией/разрухой/войной. Среда интеллигенции, пожалуй, единственная на тот момент, в которой сохранилось некоторое бессеребренничество. Впрочем, оно все чаще ставилось под вопрос. Достаточно сравнить фразы Жени Лукашина: «У нас с вами не очень большие квартиры»

(«Ирония судьбы...» Э. Рязанова) и физика Гусева: «Зачем мне квартира?» («Девять дней одного года»). Показательно, что такое изменение умонастроений произошло всего за пятнадцать лет.

Заключение. Подводя итог, можно сказать: контроверза «материального» и «духовного» в СССР закончилась победой первого. Тем не менее, это была непростая победа. Советский опыт показал, что высота идеальной планки опускается не сама по себе, а лишь в ситуации, когда попираются декларируемые ценности. Остается вопрос, возможна ли аскетическая жизнь масс, а не одиночек (фанатиков идеи)? Вероятно, это возможно лишь в том случае, если в социуме приняты постулаты культуры бедности, культ безбытности и имеются устраивающие социум легитимации этого положения дел. Однако по той же причине такой период не может быть длительным. В этом случае следование идеологии начинает восприниматься как несоблюдение положенных правил игры – и неизбежно приводит к внутренней атомизации членов социума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Войнович В. Автопортрет: Роман моей жизни / В. Войнович. – М.: ЭКСМО, 2010. – С. 126.
2. Lewis, O. «Culture of Poverty» / In Moynihan, Daniel P. On Understanding Poverty: Perspectives from the Social Sciences / O. Lewis. – New York: Basic Books, 1969. – P. 187–220.
3. Гинзбург, Л. Записные книжки. Воспоминания. Эссе / Л. Гинзбург. – СПб.: Искусство-СПБ, 2002. – С. 322.
4. Dunham, Vera S. In Stalin's Time. Middle-class Values in Soviet Fiction. Introduction by Jerry F. Hough. First paperback edition / Vera S. Dunham. – Cambridge: Cambridge University Press, 1979. – P. 274–283.

Поступила в редакцию 18.04.2014 г.